

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.69.106-121

УДК: 343.9

Прогнозирование судебного решения

Аннотация: Считая, что без прогнозирования результатов принятого судом решения невозможно точно определить размер назначенного наказания, мы предлагаем следующее. В первую очередь, все обстоятельства, которые оказывают влияние на размер наказания, должны быть закреплены и формализованы в уголовном законе. Понятно, что есть такие обстоятельства, связанные как с фактом конкретного преступного поведения, так и с личностью преступника, которые также оказывают влияние на наказание, однако они не могут быть практически закреплены в нормах закона. Степень влияния этих обстоятельств на размер назначаемого наказания определяется уже судьейским усмотрением.

Ключевые слова: прогнозирование; наказание; справедливость; внутреннее убеждение; совесть; состязательность.

«Мы - юристы, - пишет Д.С. Дядькин, - обречены принимать решения в условиях неопределенности, т.е. при наличии рисков, поскольку нельзя исключать возможность нежелательных последствий. Однако с помощью современной науки можно значительно сократить вероятность их наступления. Для этого необходимо прогнозировать дальнейшее развитие ситуации, в частности, последствия принимаемых решений» [11, с. 120].

Достаточно серьезное влияние на уровень эффективности судебной деятельности по назначению наказания, т. е. при определении конкретного его вида и размера, оказывает правильное понимание судьями этических категорий философии.

В действующих уголовных законодательствах многих государств постсоветского пространства предусмотрено также учитывать при назначении наказания принцип справедливости. Следует иметь в виду, что ст. 58 УК Азербайджана - «Общие начала назначения наказания» также предусматривает следующее: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...» Однако закон не разъясняет смысл понятия «справедливое наказание». Ясно одно, что принцип назначения наказания - это основные руководящие начала, которые определяют деятельность суда по назначению наказания. В отличие от общих начал, которые определены и конкретизированы в нормах закона, по мере возможности, принцип, в частности, принцип справедливости, своих критериев не имеет, ибо в ст. 8 УК (Принцип справедливости) повторяются все те же правила, в которых говорится в ст. 58 УК, т. е. в общих началах назначения наказания. Законодатель не дает ответа на вопрос, что должны понимать судьи под «справедливым наказанием»? Не приведет ли это к злоупотреблению судьями своими полномочиями при определении меры наказания? Ведь каждый человек, в том числе и судья, по-своему понимает понятие и критерии справедливости. Представьте себе, что судья в приговоре указывает: «... исходя из принципа справедливости на основании ст.ст. 8 и 58 УК Азербайджана назначить...», хотя закон и не рас-

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

крывает понятие справедливости. В таком случае судами за одинаковые по характеру и степени тяжести преступлений будут назначены совершенно различные меры наказания. При этом каждый из судей будет прав, ибо они по-своему понимают справедливость. Поэтому мы полагаем, что, раз законодатель закрепил этот принцип в УК, то следовало бы, хотя бы в общих чертах, раскрыть понятие справедливости наказания. А раз это не сделано, следует нам помочь и законодателю и судьям, рассмотрев философское понятие справедливости применительно к уголовному праву, а точнее, к институту назначения наказания. Следует сразу оговориться, что принципы назначения наказания - это более широкое понятие, нежели общие начала, так как принципы определяют всю деятельность судов по осуществлению правосудия, а общими началами суд руководствуется при назначении определенной меры наказания конкретному лицу по конкретному преступлению.

Идея справедливости, как одна из выражений нравственного сознания и социальной сущности человека, возникла на определенной ступени развития человеческого общества и, следовательно, носит исторический характер. З.А. Берешешкина отмечает: «...справедливость как ценность, идея, эталон, норма, имеющие конкретно-историческую характеристику, возникла на определенной ступени развития человеческого общества» [4, с. 30].

Удивительно, что, хотя и сегодня проблема понятия справедливости является дискуссионной, тем не менее, эта этическая категория слишком давно возникла в сознании человека. «Человек естественной простоты, - писал И. Кант, - очень рано обретает чувство справедливости, но очень поздно и вообще никогда не обретает понятие справедливости» [15, с. 196]. Однако это никогда не было препятствием для того, чтобы человек мог отличать справедливое от несправедливого. Как-то шведский юрист-теоретик Экелоф сказал: «Общая концепция справедливости аналогична представлению о Господе Боге - все о нем говорят, но никто не знает, что это такое [5, с. 44].

Справедливость, являясь категорией морали, как и мораль, в целом, находит свое применение во всех без исключения сферах общественной жизни. В истории этических учений справедливость чаще всего рассматривалась в качестве меры нравственного воззрения и требования.

В принципе, такое понимание верно. Недаром старинная эмблема справедливости - весы. «Удар за удар, возмещение, равное причиненному ущербу, равные доли при распределении продовольствия и земли - таковы были единственные понятия справедливости, доступные первым людям, — отмечал П. Лафарг, - понятия, которые пифагорейцы выражали в аксиоме не нарушать равновесие весов» [21, с. 82].

Жизнь показывает, что соблюдение установленных уголовно-правовых норм тем успешнее, чем выше убеждение членов общества в их соответствии принципу справедливости. Это положение особо большое значение имеет при определении соответствия суровости наказания тяжести совершенного преступления.

Общая польза требует, чтобы преступления не совершались, и в особенности - чтобы не совершались преступления, наиболее вредные для общества. Поэтому препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем важнее нарушаемое благо и чем сильнее побуждения к совершению преступлений. Следовательно, должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями. Когда мы говорим о возмездии, как элементе содержания наказания, реализуемом в процессе назначения наказания, мы, без-

условно, имеем в виду требования во имя справедливости. Это означает, что должно существовать известное соотношение равенства между совершенным злом со стороны конкретной личности и злом, направленным для его устранения. Именно идея справедливости должна выступать в качестве принципа, критерия оценки такого равенства. Иначе возмездие превратится в месть. Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро добром» [20].

В прежнее время справедливая оценка учиненного зла понималась в смысле установления внешнего равенства, Талиона, между тем, что было сделано, и тем, что в ответе на сделанное теперь надо сделать. Начало: «Око за око, зуб за зуб» особенно ясно выражает эту идею Талиона. Философская мысль сформулировала весьма важное для последующих естественно-правовых представлений положения о том, что справедливое состоит в воздаянии другому равным. Отмечая употребление понятия справедливости вообще в различных значениях, Аристотель писал: «Итак, понятие, „справедливость” означает в одно и то же время как законное, так и равномерное, а несправедливость - противозаконное и неравномерное» [1].

Итак, справедливость наказания выражается не только в обязательном реагировании на преступление уголовно-правовыми средствами, но и в обеспечении соразмерности между преступлением и мерой уголовно-правового воздействия (наказанием). Отступление от требований справедливости наказания могут выражаться в чрезмерной мягкости, а также излишней суровости наказания. Но как добиться того, чтобы наказание было максимально справедливым, т.е. соответствовало бы тяжести преступления? Есть ли возможность у судей добиться назначения справедливого наказания по каждому делу, располагают ли они соответствующими «весами» и точны ли они? Закон требует от правосудия всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Главная задача любого судебного процесса - отыскание истины.

«Тяжесть наказания, - подчеркивал Ф. Лист, - говорят, должна соответствовать тяжести преступления. Так нас учит ортодоксальная наука уголовного права, так хочет “уравняющая справедливость”. И так как в тяжести учиненного деяния мыслимы бесчисленные ступени, то законодатель хлопочет о том, чтобы предоставить в распоряжение судьи, в широко растянутых пределах, возможно, высокое число “карательных величин”. При простой краже имеется не менее 1825 (5 - 365) ступеней в тяжести проступка, оценку которого на золотых весах соразмерения наказания мы требуем от судьи. Но по каким таким основаниям должны быть выисканы тяжесть преступления и соответствующая ей “карательная величина”, - об этом законодатель ничего не говорит. Ничего не говорится об этом и в учебниках или комментариях» [22, с. 30].

Справедливость в разные периоды человеческой истории, у различных народов, в зависимости от их нравственного и культурного развития, а также общественно-политического устройства, понималось по-разному. Так, например, если в странах Европы смертная казнь как вид наказания считается несправедливой по отношению к преступнику, то в некоторых странах Азии и Востока эта мера воспринимается как справедливое средство борьбы с преступностью.

Поэтому очень важное значение имеет само понимание судьями уголовно-правового понятия справедливости, которое, естественно, не должно отрываться или, тем более, проти-

вопоставляться понятиям справедливости, разработанным философией. В.С. Пазенок отмечает, что понятие справедливости - многозначно. Оценка справедливости распространяется и на экономические отношения, нормы права, юриспруденцию и нравственные категории, понятия морали, а также на конкретные действия, как отдельных людей, так и целых коллективов, народов и государств [29, с. 91].

О значении и важности справедливости, пожалуй, лучше Канта не скажешь: «Ведь когда исчезнет справедливость, жизнь на земле уже не будет иметь никакой ценности» [16, с. 366-367].

Все процессуальные правила, все гарантии, предоставленные подсудимому, должны быть подчинены именно этой задаче: облегчить поиск истины, оградить судей от предвзятости, от субъективизма, от всего, что может помешать торжеству справедливости. Несправедливая оценка есть результат искажения судьей истинного смысла преступного поведения, одностороннего, неполного рассмотрения причины преступления, личности преступника, что иногда делается преднамеренно, умышленно. Вот почему истинность является необходимым элементом справедливой оценки преступления и личности преступника.

«...Истина, - писал В. Г. Белинский, - требует исследования спокойного и беспристрастного, требует, чтоб к ее исследованию приступали с уважением к ней...» [3, с. 47].

Справедливость как оценка становится мерилем деятельности, поступков людей при наличии убежденности в их правильности. К судьям это относится в особенности. Судья, убежденный в правильности оценки преступления, должен отстаивать справедливость наказания прямо и смело, забывая о себе, презирая робкие оговорки и двусмысленные намеки и заботясь только об истине, а не о том, что скажут о нем самом. Необходимо также иметь в виду, что неперемное условие справедливости наказания - неподкупность и бескорыстие судьи. Когда-то Цицерон сказал: «Преступно брать деньги за вынесенные приговоры, еще преступнее осудить того, с кого возьмешь деньги за оправдание», а Демокрит заметил: «Доступный подкупу - не может быть справедливым». Ф. Бэкон уточнил эту фразу: «Судьям подобает более учености, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность» [6, с. 473].

Итак, без категории справедливости вообще невозможно обойтись там, где решение вопроса зависит от характеристики личности виновного. Многообразие отличающих человека признаков не позволяет изложить их в виде нормативно закрепленных четких критериев. Поэтому при использовании такого рода норм особенно важное значение приобретает нравственная категория справедливости, на которую следует опираться при оценках характера и степени опасности личности. Среди этих норм на первое место выдвигаются правила назначения наказания. Каковы же критерии оценки справедливости принятого судебного решения?

Пожалуй, это один из труднейших вопросов проблемы назначения наказания. По одному и тому же делу один суд может принять одно решение (например, назначить наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет), другой - не согласится с этим и назначит наказание сроком на 8 лет. И каждый из них будет считать свое решение справедливым. Это вполне нормальное явление. Но какое из этих судебных решений в действительности наиболее справедливое? Ответ на этот вопрос во многих случаях оказывает существенное влияние на размер и вид уголовного наказания. Одно дело, когда человек лишен свободы на 6 лет,

другое - на 8 лет. Может быть, для судей это принципиального значения не имеет, но для осужденного - разница существенная. Каждый судья всегда ищет свое обоснование принятого решения. Поэтому мнение судей во многих случаях могут не совпадать. Для судей следует помнить следующее принципиальное положение: справедливость требует, чтобы направляемое наказание было соразмерно и лично, т.е. оно будет соразмерным, если возмездие будет достаточным для того, чтобы отбить охоту к совершению преступником повторного зла, а также предотвратить совершения преступлений другими членами общества. При этом надо иметь в виду, что принцип тождества совершенного преступления с оказываемым на него воздействием, т.е. наказанием, нужно понимать в смысле равенства по ценности и что это равенство может быть лишь приблизительным, так как качественные и количественные свойства совершенного зла и сила его уничтожения относятся к сфере высшего бытия, в которой невозможны никакие абсолютные определения. Поэтому справедливость судьи должны рассматривать и использовать не как инструмент или весы, с помощью которых можно измерить и определить характер и тяжесть причиненного зла и необходимое правильное и целесообразное за это наказание, а как руководящий принцип при осуществлении правосудия.

К глубокому сожалению, современный институт назначения наказания не имеет под собой почвы. Как подчеркивал еще Ф. Лист, «это высшая и изменчивая работа “воздающей справедливости” при ближайшем рассмотрении оказывается только фокусом» [22].

На самом деле, разве можно говорить о «справедливости», когда за одно и то же деяние назначаются различные наказания в различных судах, в то время, как принцип справедливости требует соразмерности между избираемой мерой воздействия и характером и степенью общественной опасности деяния. И все это из-за того, что судья не знает вовсе того, кого он должен судить и наказывать, в то время как существенное значение при назначении наказания имеет не его деяние, а сам человек, совершивший преступление. По сути дела, преступника правосудие узнает только тогда, когда назначенное ему судом наказание исполняется. Когда-то П.И. Люблинский писал: «... Как бы ни был судья хорош и образован, он никогда не сумеет подняться на такую высоту теоретического рассмотрения вопроса, на которой стоит законодатель... Даже хороший судья не сумеет упразднить надобность в законе и стать мудрее законодателя в оценке общих интересов... Но и законодатель не может претендовать на полное проникновение вглубь индивидуальных обстоятельств и на вытеснение судейского усмотрения из этой области. Там, где закон не способен уловить в общих постановлениях особенности отдельных случаев, где требуется особая гибкость государственной деятельности, там, единственно, возможно применение усмотрения» [23, с. 32-33]. Что же такое судейское усмотрение? А. Барак определяет «судейское усмотрение» как «полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна», при этом, оно «не является ни эмоциональным, ни умственным состоянием. Это, скорее, юридическое условие, при котором судья волен делать выбор из ряда вариантов» [2, с. 13-14]. Вряд ли можно с этим согласиться, ибо юридическое условие для выбора того или иного конкретного наказания определено законом. А это означает, что судья не может выйти из рамок этих условий, в то время как в пределах юридических условий он не в состоянии принять справедливое решение.

Судейское усмотрение - это, скорее, комплекс нравственных, практических, психологических, педагогических условий, на основе которых судья принимает то или иное реше-

ние. Поэтому правильность решения зависит от уровня развития этих качеств у судьи. При этом, само собой разумеется, что наряду с профессиональными качествами существенное значение имеет качество судьи мыслить не только как юрист, но в большей степени как человек, как член общества, глава семьи. Исходя из этого, мы считаем, что судебское усмотрение - это внутренняя убежденность в принятии справедливого решения при определении наказания преступнику. Понятно, что судебское усмотрение не должно быть безграничным. Речь идет именно об оптимальном варианте усмотрения. Как бы ни выступали некоторые против судебного усмотрения, надо признать, что, где есть право, там всегда будет возможность выбора по усмотрению правоприменителя.

В этом смысле мы понимаем озабоченность В.П. Нажимова, когда он предупреждает, что «участники процесса, особенно подсудимый и защитник, почти беззащитны от усмотрения судей в выборе конкретной меры наказания. Судьи могут привнести в этот вопрос любые субъективные моменты, например, такие, как скверное настроение, интуитивная антипатия к подсудимому и т. п.» [26, с. 3].

Возможно, что это зависит от личных качеств судьи, а не от границ судебного усмотрения. Мы не уверены в том, что чем меньше сфера личного усмотрения судьи, тем больше гарантий законности и правильности принятого решения. Поэтому реальный вопрос состоит не в том, следует или не следует отказаться от судебного усмотрения, а в том, какой должен быть объем, пределы усмотрения.

Внутреннее убеждение означает такое состояние психики, пребывая в котором, судья считает назначаемое наказание самым справедливым, индивидуальным, не вызывающим сомнений. Внутреннее убеждение не может быть инстинктивным, стихийным, произвольным, основывающимся на чисто субъективных побуждениях. Внутреннее убеждение, как состояние, есть не просто деятельность, выражающаяся в ощущении и оценке, оно возникает не в результате сиюминутных впечатлений. Безусловно, наряду с необходимыми предпосылками, элементами формирования рационального внутреннего убеждения служат умственная деятельность, выражающаяся в размышлении, сопоставлении, взвешивании отдельных доказательств, и всесторонняя самокритика модели возможного решения, после этого — проверка правильности всех выводов, и, наконец, установление логических, причинно-следственных связей между данными, которые легли в основу решения [25, с. 92].

Предпосылка рационального внутреннего судебного убеждения состоит в том, что судья, подходя к «проекту» вида и размера наказания, сформированному мысленно, как и созданной в сознании модели, осуществляет на этой основе самоконтроль. Наиболее важный элемент самоконтроля - сомнение. Каждый судья, избирая вид и размер наказания, опирается на свои нравственные причины. При этом необходимо отметить, что чрезвычайно важную роль в справедливом и целесообразном назначении наказания играет система философских, правовых, общечеловеческих взглядов судьи. Политические, идеологические принципы должны быть чужды судье.

Требование о том, чтобы судебные решения основывались на «личном убеждении» судей, причинах свободной оценки доказательств, провозглашено во Франции законом от 16 сентября 1791 г. В то же время, несмотря на то, что в рамках закона судебное убеждение свободно, оно не может быть произвольным. Некоторое единообразие условий, общие принципы, позволяют судье в какой-то мере преодолеть субъективизм своих оценочных суждений и ориентиром может служить оценка назначенного наказания и отношения к нему

общественного мнения. Каким же образом формируется внутреннее убеждение судьи? Этот вопрос имеет немаловажное значение, как в теоретическом, так и в практическом плане. Внутреннее судебское убеждение при назначении наказания складывается на основе анализа степени и характера общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, обстоятельств смягчающих и отягчающих. Но судебское убеждение - это не только обстоятельный анализ этих признаков, но и способность правильно оценить их значение, в соответствии с целью наказания по уголовному законодательству.

В данном случае речь идет не только о цели вообще, а о том, как в каждом конкретном случае судья реализует свои взгляды на эти цели, как он решает проблемы их соотношения. В процессе формирования судебского убеждения, безусловно, участвуют и правовые чувства, и эмоции и т.д. Судья, так же, как и любой другой человек, воспринимает окружающий внешний мир, в зависимости от своих переживаний, влияющих и действующих на его волю. В конечном итоге они определяют принимаемые им решения, определяют содержание его убеждений. Итак, справедливость, целесообразность наказания во многом зависят от внутреннего убеждения судьи. А что собой будет представлять это убеждение, как они будут находить свое выражение в приговоре, - это в решающей степени зависит от личного состава судей, от того, какова их общая правовая подготовка. Вот почему многие дефекты судебной деятельности по назначению наказания (избрание вида и размера наказания) зависят от подбора и подготовки судебных работников (профессиональных судей).

Одним из слагающих моментов внутреннего убеждения судьи является сознание им своей независимости. На сегодняшний день, к сожалению, суд не является самостоятельным органом, выполняющим свое специфическое предназначение в обществе. Вместо функций, свойственных природе судебной власти (разрешать правовые споры), суд выполняет задачи, навязанные извне в угоду достижения определенных политических целей, сохранения политических догм. Суд выступает обычным государственным органом, выражающим волю властвующих структур. Сохраняются механизмы воздействия на суд у местных органов исполнительной власти. Правосудие не стало выразителем «интересов права». Судьи не воспринимают себя как часть корпорации, призванной вопреки чему бы то ни было утверждать право, закон и справедливость.

Зависимость судей не дает возможность принципу состоятельности стать реальностью в судебном разбирательстве. В силу этого суд не занимает положение беспристрастного арбитра в споре равноправных сторон.

Независимость и самостоятельность судей, в первую очередь, определяется порядком (механизмом) назначения (избрания), а также прекращения их деятельности. Считаем, что надо установить такую форму формирования судебного корпуса, которая бы не давала возможность той или иной власти по своему желанию, на основании каких-то формальностей, решать судьбу судьи. Например, судьи могут быть избраны народом, как, и было раньше. Можно пойти и по другому пути: в формировании судебского корпуса принимают участие две другие власти - исполнительная и законодательная. Но самое главное даже не в том, как назначается (избирается) судья, а в том, кто и в каком порядке и в каких случаях может освободить его от занимаемой должности. Поэтому было бы правильным, если бы судьи избирались (назначались) пожизненно, или же, в крайнем случае, на длительные сроки - 20-25 лет. Порядок прекращения их деятельности должен быть настолько усложнен, что даже если

этого желает и Глава государства, это было бы невозможно без каких-то других условий. Например, без согласия 2/3 членов Парламента.

Независимость судей предполагает особый порядок и особые условия их привлечения к дисциплинарной ответственности. Нельзя забывать, что это все-таки третья власть. В формировании внутреннего судебного убеждения, являющегося результатом, итогом работы судьи по исследованию дела, правосознание играет важнейшую роль.

Правосознание как комплексный субъективный фактор, влияющий на процесс назначения наказания, в ряде случаев отдельные ученые именуют судебским (судебным) усмотрением [2; 7, с. 320; 14, с. 24], с чем вряд ли можно согласиться ибо эти понятия совершенно разные по своему содержанию и социальному значению.

Не согласны мы также с тем, что некоторые в судебское правосознание включают идеологические компоненты. Так, по мнению С. Велиева, в правосознании как в одной из форм общественного сознания необходимо выделять следующие четыре слоя: идеологию, систему знаний, обыденное (эмпирическое) сознание, эмоциональную сферу [7, с. 321].

П.П. Осипов в свое время утверждал, что «при вынесении приговора судья выступает не столько в качестве юриста, знатока правовых норм, сколько в качестве политического деятеля, руководствующегося всей системой своего мировоззрения, и, прежде всего, идеологическими и политическими взглядами и убеждениями» [28, с. 65].

В период советской власти, действительно, судьи выступали при осуществлении своих профессиональных обязанностей, в первую очередь, как проводники, или точнее, исполнители идей коммунистической партии, ибо все они были членами этой партии. Поэтому П. Осипов считал их политическими деятелями, осуществляющими правосудие. То есть, это означало, что можно быть судьей, но не обязательно юристом. Кстати, до определенного времени в СССР так и было. Важно было быть членом КПСС. Это означало, что для судьи необходимо не правосознание, а политическое сознание. Само собой разумеется, что такой подход был глубоко ошибочным и вредным, но политически правильным. Профессиональное правосознание судьи должно быть совершенно чистым, без идеологий и политики.

Как правильно отмечается в юридической литературе, многосторонность юридической практики определяет специфические условия для формирования правосознания и обуславливает специфику правосознания следователей, прокуроров, судей, адвокатов и т.д. Каждая юридическая профессия вносит специфику в правосознание ее представителей, выступает основой для формирования особого вида правосознания, характерного для представителей тех или иных юридических работников [27, с. 124].

Профессиональное сознание юристов отличается от правосознания других граждан не столько элементами структуры, сколько их содержанием, глубиной, качеством и направлением связей между ними. Знания юристов в области права, естественно, значительно полнее и детальнее, чем у других граждан, и достигают высокого экспертного уровня. Внутри правового сознания юристов можно выделить правосознание судей, имеющие свои особенности.

Судебная деятельность по назначению наказания носит сознательный характер и осуществляется в определенных условиях. К ним относятся те, не зависящие от воли и сознания судей, обстоятельства (факторы), под детерминирующим воздействием которых происходит процесс подготовки, принятия и реализации судебного приговора. Сознательный характер судебной деятельности придается субъективным фактором, в рамках которых наиболее важ-

ную роль признано выполнять судейское правосознание, перерабатывающее входящую и в значительной мере преопределяющее выходящую информацию. Поэтому, несколько упрощая ситуацию, субъективный фактор можно свести к судебному правосознанию. Важная роль профессионального правосознания судей подчеркивается самим законодателем, обязывающим их руководствоваться в своей деятельности требованиями закона и правосознания. Основным элементом правосознания судей является сознание необходимости полного, всестороннего исследования, изучения и оценки материалов дела и личности подсудимого, обязанности назначить справедливое наказание от имени общества, а также сознание своей ответственности. А это возможно только в том случае, если профессиональное сознание судей характеризуется профессиональной компетентностью, справедливостью, неуклонным следованием принципу законности, ответственностью, чувством высокого профессионального долга перед обществом и гражданином.

Правосознание судьи имеет особенно большое значение как фактор, действующий в мыслительном процессе, составляющем основу принятия решения при назначении наказания. Существенным элементом мыслительной деятельности судьи является сознание цели, целеустремленность. В этих рамках в мыслительном процессе по конкретному делу деятельность, связанная с назначением наказания (выбором вида и размера наказания), направляется правосознанием. При определении вида и размера наказания на правосознание судьи оказывают существенное влияние и другие факторы, в частности экономические, нравственные, политические отношения и т.д.

Практика судебной деятельности по назначению наказания настоятельно требует повышения теоретического уровня судейского правосознания, внедрения в него целостных (системных) и достаточно конкретных представлений о совокупности социальных требований и объективных факторов, подлежащих учету при назначении наказания. Практика свидетельствует также, что неправильное избрание вида и размера наказания в определенной мере обусловлено дефектами судейского правосознания, прежде всего, его сугубо или преимущественно профессионально-целевой ориентацией. Итак, в известных условиях правосознание оказывается мощным средством правильного подхода к познанию (знанию) и оценке судьями определенных фактов в их правовом и нравственном содержании. Говоря о справедливости как принципе назначения наказания, невозможно обойтись без рассмотрения понятия гуманизма, ибо все, что касается человека и его наиболее благоприятного развития, определяется общим понятием «гуманизм». Поэтому совершенно правильно утверждение о том, что «гуманизм - это нравственная позиция, выражающая признание ценности человека как личности, уважения его достоинства, стремление к благу человека как цели общественного прогресса» [19, с. 147]. А это значит, что гуманизм - отношение государства к личности, как члену общества, в том числе и к преступнику. Жан Поль Марат, составляя «План уголовного законодательства», стремился к тому, чтобы, по его словам, «не ущемляя ни справедливости, ни свободы, примирить мягкость кары с ее надежностью и человечность с безопасностью гражданского общества» [24, с. 213]. Следовательно, нельзя сводить гуманизм к назначению мягкого, не соответствующего содеянному, уголовного наказания.

В литературе существует мнение о двойном характере гуманизма. Одна его сторона проявляется по отношению к обществу и заключается в защите государственных, общественных и личных интересов от преступных посягательств. Понимаемому таким образом гуманизму вполне соответствуют строгие меры наказания преступников. Другая сторона гу-

манизма обращена к преступнику и означает человеческое отношение к его личности: отрицание жестоких наказаний, учет смягчающих обстоятельств и т.д.

В общепринятом смысле термин «гуманизм» означает признание ценности человека как личности, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Следовательно, гуманизм может относиться только к конкретному человеку и в современном смысле понимается как человечность, милосердие. Защита интересов общества путем причинения вреда конкретному человеку, даже если это вызвано необходимостью и соответствует социальным интересам, не может считаться гуманизмом, ибо вред и гуманизм - понятия не совместимые. Суть гуманизма сводится только к одной стороне - гуманности по отношению к человеку, в том числе и преступнику. Поэтому применение строгого наказания к преступникам в интересах охраны общества от опасных посягательств является не отступлением от последовательного проведения в жизнь принципа гуманизма, как утверждает И.И. Карпец, а несоблюдением принципа справедливости [17, с. 87]. Принцип гуманизма в уголовном праве связан только с личностью преступника и заключается в гуманном отношении к нему со стороны государства. При этом речь не идет о назначении мягкого наказания по сравнению с тем, которое требуется назначить. Вообще, принцип гуманизма по отношению к преступнику нельзя связывать с назначением наказания, как это делают некоторые [28, с. 18-19]. Так, А.С. Горелик считает, что «даже назначение наиболее мягкого из возможных наказаний можно назвать гуманизмом в значительной мере условно. Любое наказание является карой, а кара и гуманизм - антиподы... Наказание вообще не может быть более или менее гуманным; точнее, следовало бы говорить о более или менее негуманном наказании, т.е. не о степени гуманизма, а о степени отступления от него, и иметь это в виду при использовании данного термина» [9, с. 83].

Принцип гуманизма следует применять при исполнении уголовного наказания. Это подтверждается также в ст. 9 УК Азербайджана, где прямо сказано, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Исследования показывают, что в различных регионах Азербайджана карательная практика судов по применению наказания, в частности лишения свободы, имеет существенные различия. Нет единства в применении наказания и в других странах СНГ. Судебная практика нашей страны показывает, что за одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления и при совершении одинаковой в криминологическом смысле характеристике личности преступника и обстоятельствах дела судьи нередко назначают отличающиеся виды и сроки наказания. Ученые-юристы по-разному объясняют причину сложившегося такого положения. Одни связывают это с неполнотой теоретической оснащенности деятельности по применению наказаний [35, с. 101; 36, с. 70]. Другие - с личностью судей, рассматривающих дело [26, с. 5-10]. Третьи - с существующей практикой конструирования слишком широких составов преступлений с их большими разрывами санкций [10, с. 112].

Естественно, что субъективизм при применении наказания в судеюстве неизбежен. В связи с этим мы сталкиваемся с проблемой соотношения предоставленному суду «оперативного простора» с целями и задачами, поставленными перед наказанием самим законодателем. Иначе говоря, речь идет об обоснованности тех пределов, которые предоставлены судейскому усмотрению действующей системой санкций уголовного законодательства. Как же

все-таки при существующем положении свести субъективизм к минимуму? Есть позиция, которая исходит из того, что целесообразно уточнить пределы судебного усмотрения, сформировать в законе условия, которые препятствовали бы превращению решения, вынесенного по усмотрению в произвольное, субъективное решение [26, с. 5-10; 18, с. 106].

При этом предлагаются разные пути такого разумного ограничения усмотрения. Так, по мнению С.Г. Келиной, среди них наибольшее значение могли бы иметь: четкая классификация преступлений с фиксированием в законе правовых последствий совершенного преступления определенной категории и формирования законодательных норм, предусматривающих случаи обязательного усиления в рамках санкции наказания при наличии определенных обстоятельств [18, с. 106]. В.П. Нажимов предлагает конкретизировать правовое значение обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность [26, с. 5-10]. Другие авторы для того, чтобы избежать проявления элементов субъективизма в применении мер наказания рекомендуют сузить сферу судебного усмотрения путем точного определения законодателем и Верховным судом оценочных понятий [33, 128; 10, с. 122].

Так, В.Л. Чубарев пишет: «...Развитие должно идти по пути рационального сужения пределов судебного усмотрения. Одним из способов такого сужения является, по возможности более точное определение низших границ санкций» [34, с. 57].

Как известно, юридические рамки назначения наказания определены законом. Закон предоставляет судье право при наличии некоторых указанных подробно или хотя бы в общих чертах обстоятельств определить вид и размер наказания в соответствии с внутренними убеждениями и в пределах, установленных общей и особенной частями уголовного кодекса, так, чтобы они отвечали цели наказания. Таким образом, сам закон оставляет известные границы для усмотрения, применяющего его органа или должностного лица.

В.В. Глазирин и В.И. Никитинский пишут: «Целесообразность» применения норм, представляющих возможность для усмотрения правоприменителя, может оказывать значительное влияние на достижение целей норм [8, с. 13]. Поэтому, с нашей точки зрения, мнения о суждении пределов судебного усмотрения являются ошибочными и недальновидными. Как известно, уголовное законодательство представляет право определять наказание в пределах размера уголовно-правовой санкции за то или иное преступление. А это значит, что законодатель воздержался от разработки абсолютно-определенной и детализированной системы санкций и тем самым предоставил возможность судьям некоторой свободы усмотрения при применении закона. И это вполне естественно, ибо в законе практически невозможно установить конкретный вид и размер наказания за конкретное преступление. Следует отметить, что наш кодекс суду предоставляет широкий простор для избрания той или иной меры, того или иного срока лишения свободы, широкий простор для комбинации мер репрессии. Однако необходимо иметь в виду, что правовому регулированию общественной жизни должны быть чужды как подмена закона усмотрением под видом целесообразности, так и противопоставление законности справедливому и целесообразному применению правовых норм [30, с. 55-56].

Закон и усмотрение при его применении - две стороны правового регулирования общественной жизни, нуждающиеся в определенном сочетании, при котором должны сохраняться ведущая роль закона в качестве основы законности и судебного усмотрения. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что законодатель должен идти по пути существенного расширения рамок судебного усмотрения. Такого же мнения придерживаются некоторые

ученые [13, с. 60]. Еще А.А. Жижиленко писал: «Принцип индивидуализации наказания покоится на началах широкого доверия законодателя к судебным органам» [12, с. 70]. Против такой позиции резко выступил А.Б. Сахаров, выдвинув три аргумента: во-первых, он считает, что тенденция к расширению судейского усмотрения при определении наказания не соответствует исторической перспективе постепенного сокращения преступности и сужения сферы применения уголовной репрессии. Поэтому с его точки зрения, уголовное законодательство должно идти по пути не расширения, а сужения судейского усмотрения, ибо только так можно обеспечить сокращение уголовной репрессии, замену ее другими формами воздействия на правонарушителей. Он утверждает, что история развития уголовного права свидетельствует о тенденции сужения объема судейского усмотрения со стороны законодателя. Во-вторых, А.Б. Сахаров считает, что расширение судейского усмотрения противоречит и важнейшему принципу уголовной политики, ибо неизбежно ослабляет авторитет закона, а вместе с тем, и авторитет самого судебного решения, главной основой которого является закон. И, наконец, в-третьих, широкий простор судейского усмотрения при назначении наказания, с точки зрения законодательной техники, есть следствие нечеткости определения признаков составов преступлений. По мере уточнения составов углубления дифференциации простых, квалифицированных и «привилегированных» их видов неизбежно сужаются пределы санкций, а значит, сужается и судейское усмотрение [32, с. 81].

С позицией А.Б. Сахарова вряд ли можно согласиться, ибо уголовный закон представляет собой обобщение типической ситуации совершения преступного деяния, содержит абстрактную формулировку состава преступления. Законом же предусмотрены виды и относительно-определенные пределы наказания, но закон вообще, а деяние и личность преступника конкретны. Поэтому-то индивидуализация ответственности невозможна без определенного простора судейского усмотрения, которое предусмотрено самим законом. Этот простор в применении к единичному случаю представляет собой необходимую индивидуализацию ответственности конкретного лица за совершенное им преступное деяние. Для повышения обоснованности и эффективности судебной деятельности и планирования более оптимального состояния карательной практики, необходимо добиться правильного понимания судьями, а также руководителями судебной системы тех возможностей обеспечить достижение целей и соблюдение принципов назначения наказания, которые заложены в содержании различных видов уголовно-правового воздействия. А это, в свою очередь, предполагает наличие соответствующих научных классификаций законодательных санкций.

Библиография

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Этика. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
2. Барак А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – 364 с.
3. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. Т. II. – М.: ОГИЗ, 1948. – 594 с.
4. Беребешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. – М.: Мысль, 1983. – 203 с.
5. Бундесон У. Концепция справедливости в представлениях населения и судей. В сб.: Криминология и уголовная политика. – М.: 1985.
6. Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.

7. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – М.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 480 с.
8. Глазирин В.А., Никитинский В.И. Эффективность правоприменительных актов // Сов. гос. и право. 1984. - № 2. – С. 23-31.
9. Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев ун-та, 1987. – 100 с.
10. Дементьев С.И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. – Ростов: РГУ, 1981. – 208 с.
11. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания. С. Петербург: Изд-во Юрид. центр пресс, 2006. – 508 с.
12. Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. СПб: Academia, 1923. – 110 с.
13. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Сов. гос. и право. 1977. -№ 9. – С. 55-61.
14. Ищенко А.В. Назначение наказания по уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2002. - 160 с.
15. Кант И. Сочинения. Т. 2. – М.: Наука, 1964. – 611 с.
16. Кант И. Сочинения. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
17. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1973.- 287 с.
18. Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом и основания их применения // Сов. гос. и право. 1982. - №5. – С. 100-108.
19. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
20. Конфуций. Древний. V-IV в. до н.э.
21. Лафарг П. Сочинения. Т III. М.-Л.: Гос. соц. – эконом. изд-во, 1931. – 468 с.
22. Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М.: Инфра-М, 2008. – 106 с.
23. Люблинский П.И. Основание судейского усмотрения в уголовных делах. – СПб, 1904. – 234 с.
24. Марат Ж. Избранные произведения. Т. 1. – М., 1956. – 360 с.
25. Надь Лайош. Приговор в уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1982. – 222 с.
26. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важнейшее условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. – Калининград, 1973. Т. 2. – С. 2-10.
27. Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. – Киев: КГУ, 1968. – 188 с.
28. Осипов П.П. Теоретические проблемы учения о наказании. – Л.: ЛГУ 1976.
29. Пазенок В.С. Социализм и справедливость. В кн.: Моральные ценности советского человека. – М.: Мысль, 1968.
30. Пашкевич П.Ф. Закон и судейское усмотрение // Сов. гос. и право. 1982. - № 1. – С. 55-61.

31. Проблема комплексного изучения судебной деятельности по применению уголовно-правовых санкций. П.П. Осипов, В.Б. Никитин и др. // Комплексное изучение системы воздействия на преступность. - Л., 1978. - С.65-120.

32. Сахаров А.Б. Перспектива развития советского уголовного права // Сов. гос. и право. 1988. - №7. - С. 79-86.

33. Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: сб. науч. тр. – Свердловск, 1973. Вып. 28. – С. 42-44.

34. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказания. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – 96 с.

35. Эффективность применения уголовного закона / под ред. Н.Ф. Кузнецова и Б.М. Михайловского. – М.: Юрид. лит., 1973. – 208 с.

36. Яковлев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское гос. и право. 1973. - №11. – С. 68-74.

Rahimov I.M.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.69.106-121

UDC: 343.9

Forecasting of judicial decision

Abstract: Considering that without predicting the results of the decision taken by court it is impossible to accurately determine an amount of the punishment imposed, we propose the following. First of all, all the circumstances that affect a size of the punishment must be fixed and formalized in criminal law. It is clear that there are circumstances associated both with the fact of a specific criminal behavior and with a personality of the offender, which also affect the punishment, but they cannot be practically enshrined in the norms of law. The degree of influence of these circumstances on the size of punishment imposed is determined by the judicial discretion.

Keywords: forecasting; punishment; justice; inner conviction; conscience; competitiveness.

References

1. Aristotle. *Soch. v 4 tomah. Etika. T. 2* [Collected works in 4 volumes. Ethics. V. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1978, 687 p.
2. Barak A. *Sudeyskoe usmotrenie* [Judicial discretion]. Moscow, Norma Publ., 1999, 364 p.
3. Belinsky V.G. *Izbrannye filosofskie sochineniya. T. 2* [Selected philosophical works. V. 2]. Moscow, OGIZ Publ., 1948, 549 p.
4. Berebeshkina Z.A. *Spravedlivost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya* [Justice as social and philosophical category]. Moscow, Mysl Publ., 1983, 203 p.

♦ **Rahimov Ilham Mammadhasan oglu** – Academician of the RAS, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Jurist of Azerbaijan Republic, a member of the Council of the IOLR (Azerbaijan). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

5. Bundenson U. *Kontseptsiya spravedlivosti v predstavleniyah naseleniya i sudey*. V sb.: Kriminologiya i ugovornaya politika [Concept of justice in the views of population and judges. In collection: Criminology and criminal policy]. Moscow, 1985.
6. Becon F. *Sochineniya*. T. 2 [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1978, 575 p.
7. Veliyev S.A. *Printsipy naznacheniya nakazaniya* [Principles of punishment appointment]. Moscow, Yuridichesky Tsentr Press Publ., 2004, 480 p.
8. Glazirin V.A., Nikitinsky V.I. *Effektivnost' pravoprimeritel'nyh aktov* [The effectiveness of law enforcement acts]. Sov. gos-vo i pravo Journal. 1984. No. 2. p. 23-31.
9. Gorelik A.S. *Nakazanie po sovokupnosti prestupleniy i prigovorov* [Punishment by cumulative crimes and sentences]. Kuybyshev, Kuybyshev University Publ., 1987, 100 p.
10. Demytyev S.I. *Lishenie svobody. Ugolovno-pravovye i ispravitel'no-trudovye aspekty* [Deprivation of liberty. Criminal law and corrective labor aspects]. Rostov on Don, RGU Publ., 1981, 208 p.
11. Dyadkin D.S. *Teoreticheskie osnovy naznacheniya ugovornogo nakazaniya* [Theoretical grounds of an appointment of criminal punishment]. S. Petersburg, Yurid. Tsentr Press Publ., 2006, 508 p.
12. Zhizhilenko A.A. *Ocherki po obshchemu ucheniyu o nakazanii* [Essays on the general doctrine of punishment]. S. Petersburg, Academia Publ., 1923, 110 p.
13. Zlobin G.A., Kelina S.G., Yakovlev A.M. *Sovetskaya ugovornaya politika: differentsiatsiya otvetstvennosti* [Soviet criminal policy: differentiation of responsibility]. Sov. gos i pravo. 1977. No. 9, pp. 55-61.
14. Ischenko A.V. *Naznachenie nakazaniya po ugovornomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Appointment of punishment on criminal code of the Russian Federation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002, 160 p.
15. Kant I. *Sochineniya*. T. 2 [Works. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 611 p.
16. Kant I. *Sochineniya*. T. 6 [Works. Vol. 6]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 743 p.
17. Karpets I.I. *Nakazanie. Sostial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment. Social, legal and criminological problems]. Moscow, Yurid. lit-ra, 1973, 287 p.
18. Kelina S.G. *Mery otvetstvennosti, predusmotrennye ugovornym zakonom i osnovaniya ih primeneniya* [Measures of responsibility provided by criminal law and the grounds for their application]. Sov. gos. i pravo. 1982. No. 5, pp. 100-108.
19. Kelina S.G., Kudryavtsev V.N. *Printsipy sovetskogo ugovornogo prava* [Principles of the soviet criminal law]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 176 p.
20. Confucius. *Drevniyi. 5-6 v. do n.e.* [Ancient. 5th-4th century BC.]
21. Lafargue P. *Sochineniya*. T. 3. [Works. Vol. 3]. Moscow-Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izd. Publ., 1931, 468 p.
22. List F.F. *Zadachi ugonoy politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie* [Tasks of the criminal policy. Crime as a social and pathological phenomenon]. Moscow, Infra-M Publ., 2008, 106 p.
23. Lyublinsky P.I. *Osnovanie sudeyskogo usmotreniya v ugovornykh delah* [Basis for judicial discretion in criminal cases]. S. Petersburg, 1904, 234 p.
24. Marat J. *Izbrannye proizvedeniya*. T. 1 [Selected works. Vol. 1]. Moscow, 1956, 360 p.
25. Nad Layosh *Prigovor v ugonom protsesse* [Judgement in criminal process]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1982, 222 p.

26. Nazhimov V.P. *Spravedlivost' nakazaniya – vazheyshee uslovie ego effektivnosti* [The justice of punishment is the most important condition for its effectiveness]. *Voprosy organizatsii suda i osuschestvelinya pravosudiya v SSSR*. Kaliningrad. 1973. Vol. 2, pp. 2-10.
27. Nazarenko E.V. *Sotsialisticheskoe pravosoznanie i sovetskoe pravotvorchestvo* [Socialist legal consciousness and Soviet law-making]. Kiev, KGU Publ., 1968, 188 p.
28. Osipov P.P. *Teoreticheskie problemy ucheniya o nakazanii* [Theoretical problems of the teaching on punishment]. Leningrad, LGU Publ., 1976.
29. Pazenok V.S. *Sotsializm i spravedlovost'. V kn.: Moral'nye tsennosti sovetskogo cheloveka* [Socialism and justice. In the book: Moral values of the soviet people]. Moscow, Mysl Publ., 1968.
30. Pashkevich P.F. *Zakon i sudeyskoe usmotrenie* [Law and judicial discretion]. *Sov. gos. i pravo*. 1982. No. 1, pp. 55-61.
31. *Problema kompleksnogo izucheniya sudebnoy deyatel'nosti po promeneniyu ugolovno-pravovyh sanktsiy* [The problem of a comprehensive study of judicial activities in the application of criminal sanctions]. P.P. Osipov, V.B. Nikitin et al. Leningrad, 1978, pp. 65-120.
32. Sakharov A.B. *Perspektiva razvitiya sovetskogo ugolovnogo prava* [Prospects for the development of Soviet criminal law]. *Sov. gos-vo i pravo*. 1988. No. 7, pp. 79-86.
33. Frolov E.A. *Stabil'nost' zakona i sootnoshenie formal'no-opredelennyh i otsenochnyh ponyatiy v ugolovnom prave* [Stability of the law and correlation of formally defined and evaluative concepts in criminal law]. *Problemy sovetskogo ugolovnogo prava i kriminologii: collection of scientific works*. Sverdlovsk, 1973, Issue 28, pp. 42-44.
34. Chubarev V.L. *Obschestvennaya opasnost' prestupleniya i nakazaniya* [Public danger of crime and punishment]. Moscow, VNII MVD SSSR, 1982, 96 p.
35. *Effektivnost' primeneniya ugolovnogo zakona* [Effectiveness of application of criminal law]. ed. by N.F. Kuznetsov and B.M. Mikhaylovsky. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1973, 208 p.
36. Yakovlev M.I. *Optimal'noe sootnoshenie formal'nogo i otsenochnogo v ugolovnom zakone* [Optimal ratio of formal and evaluative in criminal law]. *Sovetskoe gos. i pravo*. 1973. No. 11, pp. 68-74.